

УДК 327 (510)
DOI 10.18101/2306-630X-2019-1-23-36

ДИНАМИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КНР

© Барлукова Оксана Дмитриевна

кандидат социологических наук, доцент,
Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова
Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
E-mail: oxana106@mail.ru

В статье рассматривается проблема воспроизводства китайской интеллигенции с момента формирования Китайской Народной Республики. Основным источником воспроизводства являются институт высшего образования и студенчество. Автор анализирует изменения в социальной структуре, функциях и источниках воспроизводства интеллигенции. Рассмотрена роль интеллигенции в трансформации китайского общества за последние тридцать лет. В отличие от российской трансформации китайская модернизация более последовательная и не столь радикальная в политической сфере. Место и роль интеллигенции в современном мире становятся более значимыми по сравнению с предыдущими периодами. В процессе экономических, политических и социальных изменений общества роль китайской интеллигенции в начале XXI в. стала повышаться — с ней связывают будущее развитие Китая. Интеллигенция стала более активной социальной группой, влияющей на ход, содержание и темпы реформ. Установлено, что источники воспроизводства претерпели существенные изменения по сравнению с периодом до «культурной революции».

Ключевые слова: интеллигенция; Китай; динамика; воспроизводство; студенчество; образование; слой; группа.

Для цитирования:

Барлукова О. Д. Динамика воспроизводства интеллигенции в КНР // Евразийство и мир. 2019. № 1. С. 23–36.

Китайская интеллигенция занимает важное место в структуре своего социума. На различных этапах развития общества источники, пути и формы воспроизводства интеллигенции меняются и эти изменения определяются сдвигами в социальной структуре общества. К источникам формирования китайской интеллигенции к моменту образования КНР в 1949 г. относили следующие группы: 1) профессиональных революционеров (ганьбу); 2) «пролетарскую» примкнувшую к революции интеллигенцию; 3) буржуазных и мелкобуржуазных специалистов; 4) образованных людей из числа бывших капиталистов, имеющих опыт руководства предприятием; 5) выдвиженцев из числа рабочих, крестьян и служащих¹.

Более подробный состав китайской интеллигенции дан в работе «Классы и классовая структура в КНР»: 1) традиционная шэньшуйская интеллигенция, получившая классическую каноническую подготовку; 2) буржуазная интеллигенция,

¹ Методологические исследования места интеллигенции в социалистических странах развитого социализма. М., 1979. С. 34.

представлявшая интересы нарождавшегося китайского капитализма и получившая западное образование в миссионерских школах и колледжах в Китае или за границей: в Европе, США и Японии; 3) мелкобуржуазная интеллигенция, ознакомившаяся частично с западными радикальными идеями — анархизмом, лассальянством, народничеством; часть ее после Октябрьской революции восприняла марксизм-ленинизм; 4) революционная интеллигенция, сформировавшаяся в 1925–1949 гг. из числа передовых рабочих и крестьян, составивших костяк кадров среднего и низшего звена в КПК, НОАК и административных органах освобожденных районов [1].

В период создания Китайской Народной Республики основными формами пополнения интеллигенции стали высшие и средние специальные учебные заведения. Именно в рамках данных институтов происходит подготовка молодого поколения к выполнению функций работников интеллектуального труда, окончательно развиваются и закрепляются морально-этические нормы, обогащается мировоззрение и даются установки, которые в дальнейшем воплотятся в практическую деятельность. Поэтому изменение источников пополнения интеллигенции можно рассматривать через социальную структуру студенчества. Студенчество в значительной степени примыкает к интеллигенции, входит в ее состав, хотя между этими категориями нет полного тождества.

Во многом изменения в составе источников пополнения китайского студенчества регулируются со стороны партийных органов и государства вплоть до настоящего периода. С усилением дифференциации общества усилилось социальное и экономическое неравенство. Хотя в КНР принят закон об обязательном среднем образовании, это не означает, что оно бесплатное, так же как и среднее специальное и высшее.

Кроме того, сказывается плохое качество подготовки сельских школьников, обусловленное недостатком квалифицированных педагогических кадров на селе, слабой учебной и материальной базой, а также влияние рыночных отношений, когда значительное число молодежи предпочитает зарабатывать, чем учиться.

Значение имела неразвитая система образования. В 1950-х — 1960-х гг. учебные заведения были неравномерно распределены по территории страны. Значительная часть вузов находилась в нескольких больших приморских городах; остальные — во внутренних районах, например, в Нинся-Хуэйском автономном районе провинции Цинхай, во Внутренней Монголии вуза не было вообще, в Тибетском автономном районе отсутствовали не только вузы, но и средние и начальные школы.

На протяжении 1950–60-х гг. крупным источником пополнения интеллигенции оставались выходцы из семей интеллигенции. Доля детей рабочих и крестьян на протяжении 1949–1965 гг. не подвергалась резким изменениям. Только 41% из почти 7 миллионов студентов высших учебных заведений составили выходцы из указанных социальных слоев. В средних специальных учебных заведениях их доля была выше — 59% [2, с. 145]. По официальным данным, даже в 1965 г. удельный вес выходцев из эксплуататорских семей составлял 9,6% всех студентов вузов и 5,2% учащихся средних специальных заведений [3].

На Всекитайском совещании по развитию науки, состоявшемся в марте 1978 г., отмечалось, что 2/3 китайской интеллигенции в середине 1970-х гг. составили выходцы из семей «трудового народа». Подобный вывод сделан в связи с тем, что в отличие от 1950-х — 1960-х и первой половины 1970-х гг. интеллигенция стала признаваться составной частью трудящихся. В начале 1970-х гг., по мнению В. Г. Гельбраса, доля выходцев из семей рабочих и служащих среди специалистов с высшим и средним специальным образованием, окончивших учебные заведения после 1949 г., составила примерно 41%, выходцы из самой интеллигенции составили примерно 20% общей численности интеллигенции. Доля представителей мелкобуржуазных и эксплуататорских слоев равнялась примерно 1/3 всей интеллигенции [2, с. 146].

Большую часть пополнения интеллигенции 1950–1960-х гг. составили практики-самоучки. В 1970-е гг. к ним присоединились лица, прошедшие краткосрочные курсы в различных учреждениях, типа «21 июля», т. е. имеющие слабую подготовку. Все это сказалось на качестве китайской интеллигенции, которая к началу модернизации имела низкую общеобразовательную и профессиональную подготовку. После «культурной революции», которая подорвала изначально невысокий уровень образования населения, наметились сдвиги. В 1978 г. в основном определилась политика нового руководства в области образования. В январе — феврале был издан ряд постановлений: решение о создании по стране сети ключевых средних и начальных школ; директива Госсовета КНР о переводе преподавателей во ведение административных учреждений, занимающихся вопросами образования (запрещалось использовать учителей на работе не по специальности, что широко практиковалось в предшествующее десятилетие); проект введения в опытный порядке системы десятилетнего образования в школах полного учебного дня (вместо 12 лет до 1966 г. и 9 лет, установленных в период «культурной революции», теперь 5 лет начальной школы дополнялись двумя ступенями средней школы — 3 и 2 года). По весьма приблизительным и, вероятно, завышенным оценкам китайских властей количество учащихся школ различных уровней составляло в 1978 г. около 200 миллионов (из них 150 млн — в начальной и около 58 млн — в средней школе) [4, с. 287–288].

В период и до «культурной революции» и после образования КНР количество вузов возросло вдвое. В 1966 г. большинство вузов прекратило свое функционирование и лишь в 1970 г. были открыты. В конце 1978 г. насчитывалось 598 вузов, в них обучалось 850 тысяч человек [4, с. 290]. В том же году к занятиям приступили 276 тысяч человек, было выпущено в общей сложности 166 тысяч специалистов. Правила приема были следующими: возраст абитуриентов не должен превышать 25 лет, исключения делались только для особо одаренных, а также для выпускников школы 1966–1967 гг., т. е. начала «культурной революции». К экзаменам не допускались учащиеся университетов «21 июля», сельскохозяйственных «университетов 7 мая», учащиеся и выпускники средних технических учебных заведений и лица, направленные на работу в сельскохозяйственные районы, но не выехавшие туда. Учителя средней и начальной школы могли поступать только в педагогический вуз.

Из 598 вузов 88 были объявлены «ключевыми», это означало, что государство в первую очередь будет укреплять материально-техническую базу и снабжать лучшими преподавательскими кадрами именно эти вузы. Разделение вузов на различные категории фактически и юридически закрепило разницу в уровнях высшего образования, сложившуюся еще в период «большого скачка». Это говорит об элитарных тенденциях в области образования [4, с. 292].

Открылся доступ к высшему и среднему специальному образованию для детей крестьян и рабочих. Однако платность образования в КНР, тяжелые материальные условия жизни создавали трудности для получения образования выходцами из данных социальных классов. Число студентов и школьников в середине XX в. увеличилось до 130 миллионов человек. 64,6% всех студентов составляли дети рабочих и крестьян, а выходцы из эксплуататорских классов — всего 9,4% [5].

Хотя в 1950–60-х годах выходцы из семей интеллигенции и «эксплуататорских» слоев были крупными источниками пополнения. Интеллигенцию наряду с буржуазией относили к эксплуататорским классам. В различные периоды критерии и методы отбора студентов для обучения в вузах имели свою специфику. Поскольку только 1–2% (в настоящее время 10–11%) молодых людей в Китае имеют возможность получить высшее образование, конкуренция среди претендентов высока и малейшие колебания в критериях отбора тяжело отражаются на огромном количестве людей. При приеме в вуз обычно учитываются классовое происхождение, политические взгляды и поведение, степень подготовленности. Приоритет того или иного критерия зависит от политической линии, проводимой на каждом этапе. Существует группа молодых людей, которая при всех возможных комбинациях имеет доступ к высшему образованию. Это дети хорошо образованной политической элиты. Главными соперниками в борьбе за оставшиеся места выступают дети интеллектуальной элиты, кадровых работников среднего звена и городских квалифицированных рабочих [6]. Факторы, повлиявшие на изменение социальной структуры студенчества в предшествующий реформам период, описаны С. Бродэдом в его исследовании [7]. До «культурной революции», пишет автор, основное внимание уделяли оценкам, полученным на вступительных экзаменах. Такая система не устраивала малообразованную часть населения. В 1966 г. были закрыты вузы, и когда в 1970-х гг. они открылись, условия приема были изменены. Теперь необходимо было направление с места, где абитуриент проработал не менее 2 лет. Решающими факторами стали классовое происхождение и политическая лояльность [7, с. 87]. С 1970 по 1976 г. в вузы было принято 940 тысяч студентов, которые представляли собой крайне разнородную возрастную и образовательную структуру. Они имели опыт практической работы и крайне политизированное сознание.

Данная когорта студентов имела низкий уровень подготовки, так как занималась больше политическими акциями, критикой и издевательствами над преподавателями и профессорами. В результате они прослыли недоучками, которым трудно подыскать работу, соответствующую их квалификации. Наглядно этот факт был проверен в 1977 г. в Шанхайском университете, когда выпускникам, претендовавшим работать в научных учреждениях, было предложено сдать

экзамены по курсу средней школы по тем предметам, которые они изучали в вузе. В результате 68% провалились на экзамене по математике, 70% — по физике, 76% — по химии [7, с.86]. Считается, что КНР за годы «культурной революции» потеряла десять выпусков квалифицированных специалистов.

В 1977–1979 гг. изменились условия приема в вузы: тем, кто не имел возможности получить направление с работы, было предоставлено право участвовать в конкурсных экзаменах. В 1977 г. из десяти миллионов, выразивших желание участвовать в конкурсе, к экзаменам было допущено 5,7 миллиона человек, принято в вузы только 273 тысячи: в 1978 г. из шести миллионов сдавших вступительные экзамены было принято 402 тысячи, а в 1979 г. из 4,7 миллиона стали студентами 275 тысяч человек [6, с. 90].

Таким образом, к началу периода реформ в вузовском образовании произошел качественный сдвиг. Студентами 1980-х гг. стали наиболее способные и подготовленные ученики, их обучали преподаватели из числа наиболее одаренных выпускников.

В 1978 г. были возрождены основополагающие принципы системы образования. Дэн Сяопин подчеркнул важность образования в процессе модернизации. Были восстановлены единые на всей территории страны учебные пособия и учебные программы. В начале 1980-х гг. министерство просвещения, сохранив за собой монополию на разработку учебных программ, передало 226 вузов во ведение отраслевых министерств, 411 — провинциальных и городских властей, а в своем подчинении оставило лишь тридцать восемь вузов [8].

Важное значение имели решения ЦК КПК о реформе в системе образования от 27 мая 1985 г. Этот документ декларировал двойную задачу высших учебных заведений: подготовку квалифицированных кадров, а также активное участие в развитии науки, техники, культуры. Вузам предписывалось наладить взаимодействие с производственными и научно-исследовательскими организациями. Университеты и институты получили право принимать дополнительное количество студентов по договорам с предприятиями, заинтересованными в подготовке для себя специалистов. На учебу вне конкурса зачислялись молодые люди, имеющие возможность оплатить образование и не нуждающиеся в гарантированном распределении. Такую возможность имели студенты-дети предпринимателей, которые составляли в 1990-е гг. всего 4% экономически активного населения. Вузам была предоставлена большая самостоятельность в распределении выпускников. Профессорско-преподавательский состав получил возможность участвовать в разработках учебных планов и программ. Руководство университетов стало самостоятельно распоряжаться средствами, отпущенными государством на нужды развития учебных заведений, самостоятельно устанавливать контакты и налаживать сотрудничество с иностранными партнерами [8, с. 41]. Одним из важнейших путей воспроизводства высококвалифицированной интеллигенции стало направление на учебу за рубеж китайских студентов и специалистов. С 1979 г. в Японию и страны Запада ежегодно выезжало две тысячи студентов, а с 1983 г. их число достигло трех тысяч. К 1985 г. по различным каналам за границей прошли курс обучения около двадцати девяти тысяч студентов, аспирантов и специалистов

из Китая. Выезд осуществлялся как на основе официальных соглашений, так и на добровольных началах при наличии возможности самостоятельно оплатить стоимость обучения за рубежом [8, с. 54].

Согласно данным статистического ежегодника, издаваемого Госкомитетом по образованию, общее число студентов, принятых в вузы Китая, составило в 1980 и 1990 гг. 281 тыс. и 608,8 тыс. человек соответственно, т. е. число принятых на первый курс увеличилось в два с половиной раза. Из них в 1980 г. от общего числа поступивших в вузы прием на фундаментальные гуманитарные дисциплины составил 4–6%, на специальности: финансы — 4%, экономика — 3%, право — 1%, политология — 0. В 1990 г. количество принятых на фундаментальные гуманитарные дисциплины составило 4–5%, по специальностям: финансы и экономика — 11%, право — 1%, политология — 9%. При этом общее число студентов в 1990 г. составило два миллиона девяносто пять тысяч, что на 83% больше по сравнению с 1980 г. [9, с. 95].

Для демографической структуры КНР характерна диспропорция между женским и мужским населением в пользу мужчин. Но в соотношении среди студентов эта пропорция нарушена. Доля девушек среди студентов высших учебных заведений составляет 20% (в более развитых районах, например в Шанхайском университете, — 30%, а в 1960-х гг. — 27%). Источником пополнения высококвалифицированных специалистов является подготовка интеллигенции через систему аспирантуры. Вновь в 1978 г. была восстановлена аспирантура (при вузах, НИИ и других организациях), не функционировавшая двенадцать лет. За последние двадцать пять лет наблюдается рост набора в аспирантуру. Более чем в четыре раза возросло количество аспирантов (с 21,6 тыс. в 1980 г. до 93,0 тыс. в 1990 г.). Из них доля специализировавшихся в гуманитарных науках от общего числа в 1980 г. составила 12% и в 1990 г. — 23% [9, с. 96].

Однако выпускникам вузов и окончившим аспирантуру трудно устроиться на работу по специальности. Из 360 тысяч выпускников 1992 г. пять тысяч не были трудоустроены по направлению. В Пекине 4% из 21 тыс. выпускников не были приняты на работу по месту распределения [9, с. 32].

С апреля 1986 г. до июля 1987 г. в Пекине по инициативе партийных и государственных органов была проведена серия обследований состояния идеологического воспитания в столичных университетах и вузах. Опрос, приведенный в ноябре 1986 г. в Пекинском университете с целью изучения уровня демократического сознания китайских студентов, показал, что демократические требования студентов «чрезвычайно расплывчаты» [10]. Большинство современных студентов поступили в университет после окончания школы. Они росли в годы, когда после «десятилетия бедствий» в китайском обществе происходили резкие изменения, переплеталось старое и новое. Эти молодые люди полны энтузиазма, восприимчивы ко всему новому, обладают способностью к самостоятельному мышлению, развитым чувством собственного «я». В то же время жизненный опыт невелик, они чрезвычайно эмоциональны. Часть студентов «довольно строптивая», им недостает понимания определенных традиционных норм и ценностей, некоторые имеют слабое представление о нормах общественной морали и по своему поведению напоминают «потерянное поколение» (конца 1960-х — 70-х гг.).

При анализе ответов на поставленные в анкете вопросы выяснилось, что 79,3% опрошенных считают самым демократическим государством современного мира США, а также Францию и Великобританию. Меньше всего студентов назвали Советский Союз. По мнению авторов, эти результаты «ясно указывают на преклонение студентов перед западной демократией» [10].

На вопрос о возможности установления в короткие сроки социалистической демократии в Китае, где укоренились многовековые «традиции феодальной диктатуры», утвердительно ответил лишь один процент опрошенных, 96% заявили, что для этого необходимы длительные усилия. Сдвиги в развитии демократии в КНР после 1978 г. 44% студентов оценили как «очень большие», 49,7% опрошенных заявили, что «прогресс есть, но не большой», 5,6% — что «прогресс отсутствует» [10, с. 29].

Один из блоков вопросов был посвящен выяснению представлений студентов о путях демократизации китайского общества. Большинство (78,4%) опрошенных выразили согласие с положением о тесной взаимосвязи между демократией и законностью: 74% не согласились с мнением, что в виду низкого уровня культуры и самосознания масс демократия в Китае может быть введена «главным образом сверху». Более половины согласились, что «демократизация общественно-политической жизни в социалистических странах зависит от демократизации внутрипартийной жизни в правящих партиях», а также с тем, что «если для осуществления модернизации нужно пожертвовать демократией, то такая модернизация не нужна». Особенно велико число лиц, разделяющих эту точку зрения среди выходцев из семей интеллигенции (68%) и военнослужащих (67%).

В марте — июне 1987 г. было проведено обследование среди молодых преподавателей пекинских вузов, наиболее близких по возрасту к студентам (более 70% респондентов — менее или около 30 лет). Большинство опрошенных высказали одобрение руководству КПК, заявили о верности социалистическому выбору. Сочли правильным утверждение, что в «Китае революционные преобразования должны осуществляться под руководством партии», 67,6% респондентов, а 69% согласились с мнением, что «только социализм может спасти Китай» и «что руководящей идеологией в революции и строительстве в Китае должны быть марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзедуна» [11, с. 27–28]. Молодые преподаватели проявили сильную озабоченность и заинтересованность в развитии процесса реформ и желание принимать в нем непосредственное участие. Обследование показало, что 93% поддерживают реформу в системе образования и желают, чтобы она была «более быстрой и целенаправленной». Годы, прошедшие после 3-го пленума 1978 г., 62% назвали «лучшим периодом в политике со времен основания КНР», 67% уверены, что это был «лучший период в экономике», а 70,6% — «лучшее время для утверждения демократии». Большинство молодых преподавателей осознают вред, причиняемый студенческими волнениями, и необходимость противостоять «буржуазной либерализации». Именно «идеи буржуазного либерализма» назвали около 20% опрошенных в качестве причины волнений в студенческой среде. Сочувственно относятся к требованиям студентов, выступающих за ускорение темпа реформы, 62% молодых преподавателей, но

осуждают «методы и формы их выражения». Не одобряют действия студентов, которые выходят на улицы с демонстрациями протеста, и не принимают в них участия 87% опрошенных преподавателей, хотя в целом относятся к студенческим выступлениям с симпатией, отвергая лишь формы [11, с. 27–28].

Ш. Рай, преподаватель политологии университета Уорик (Великобритания), анализирует природу глубокого недовольства и подозрительности, проявившихся в требованиях студентов во время студенческих волнений 1986–1987 гг. и весной — летом 1989 г. Интерпретируются данные обследования, проведенного в апреле — июле 1987 г. в Ханчжоуском университете (провинция Чжэцзян) [12].

Большую озабоченность студентов вызвала предполагаемая отмена системы всеобщего субсидирования обучения в вузах. Согласно предложенному в 1986 г. варианту предлагается ввести два вида стипендий: за успехи в учебе и нуждающимся студентам в сумме от 150 до 350 юаней в год. Получать эти стипендии смогли бы примерно 25% поступивших. Для поощрения избравших дефицитные для народного хозяйства специальности предусматривались стипендии в размере от 300 до 400 юаней в год. Кроме того, определенное количество стипендий предназначалось для тех, кто изъявил желание, подкрепленное письменным обязательством, после окончания учебы работать в пограничных или отсталых районах, а также на производстве с тяжелыми условиями труда. Тем, кто не может претендовать на получение какой-либо из этих категорий стипендий, предлагалось финансировать собственное обучение за счет кредитов, предоставляемых ежегодно государственными банками под низкие проценты и погашаемых в последствие той организацией, в которой студент будет работать по окончании вуза. Фактически человек в Китае устраивается на работу один раз на всю жизнь, поскольку он, как правило, привязан к своему месту жительства.

В ходе обследования в Ханчжоуском университете выяснилось, что большинство студентов придерживаются мнения, что им уготована в основном преподавательская работа в школах или провинциальных вузах. Почти все опрошенные высказали убеждение в бессмысленности отказа от предлагаемой работы, поскольку существует правило, согласно которому в случае повторного отказа, т. е. отказа и от второго предложения, университет может вообще устранить от трудоустройства студента и последнему придется не только выплатить деньги, затраченные на его образование (10 тысяч юаней), но и искать работу самостоятельно. Альтернативы ухода в бизнес для них практически не существует по причине отсутствия необходимого для этого капитала и благоприятного политического климата. Как показывают данные опроса, студенты уверены, что их судьбой распоряжаются власти, а распределение на работу производится на основе субъективного мнения администрации относительно личных качеств того или иного студента и оценки его политической активности. Из 2 тысяч студентов 59% заявили, что «их друзья вступили в партию для того, чтобы в будущем получить преимущества при распределении на работу» [12, с. 72].

Одним из факторов, вызвавших усиление напряженности в студенческой среде, Ширин Рай считает неоднозначность последствий политики открытости внешнему миру, провозглашенной Дэн Сяопином. Осуществление в рамках

этой политики программы посылки студентов за границу сопровождалось беспрецедентной активизацией номенклатурно-родственных связей на всех уровнях — правительственном, провинциальном, отдельных предприятий. Воздействие на умы молодежи новых идей, возникших в отсутствие у большинства студентов протекции, необходимой для того, чтобы попасть в число «счастливиц», направляемых на стажировку в западные страны, в значительной степени содействовали росту недовольства «хозяйничаньем бюрократии». Студенты оказались под одновременным воздействием как самих реформ, так и их замедленного характера, оставившего нетронутыми многие старые структуры, в то время как реформаторская риторика порождала в них надежды на изменения. В 1986–1987 гг., когда студенты вышли на улицы китайских городов, они выступили в поддержку курса реформы против коррумпированности местных властей и за «ускорение движения к демократической открытости». Студенты выразили поддержку реформаторам в Пекине и осудили тормозивших, по их мнению, продвижение по пути реформ местных руководителей. Они не могли знать, что сопротивление реформам существует и на центральном уровне.

Провозглашенная китайским руководством реформа в области образования в 1985 г. пробудила надежды на радикальные перемены в жизни студентов и качестве обучения в вузах. Отсутствие эффективных каналов обратной связи и представительства интересов студентов во властных структурах явилось важным фактором, определившим форму студенческих выступлений в 1986–1987 гг., а затем и в 1989 г.

К числу факторов, обусловивших столь мощный социальный взрыв, в который вылились студенческие манифестации весны–лета 1989 г., западные исследователи относят также влияние бурного развития событий в Восточной Европе и Советском Союзе, а также «удушливую психологическую атмосферу», сформировавшуюся в результате гонений 1987 г., которым подвергались некоторые видные представители интеллигенции за инакомыслие, и «борьбы против буржуазной либерализации» [13].

На основе анализа материалов китайской печати просматривается атмосфера, сложившаяся в студенческой среде после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. С официальной точки зрения студенты за участие в них не понесли наказания. Введенный вслед за событиями порядок обязательного прохождения службы в НОАК (Народная освободительная армия Китая) в течение одного года для первокурсников Пекинского и Фуданьского (Шанхай) университетов (такой порядок сохранялся в течение четырех лет) газеты изображают как «заранее обдуманную стратегию вовлечения студенческой молодежи в реальную жизнь общества» [14].

В содержание вузовских учебных курсов было включено изучение работ и выступлений руководителей КПК и КНР, в которых главное место занимают две темы: воспевание патриотизма, непременно замешанного на «китайско-немецко-русских представлениях» о социализме, и призывы к молодежи «сливаться с массами, учиться на практике». Сколько времени отводится в учебных программах на идейно-политическое воспитание, обычно не сообщается, но, по некоторым данным, во время прохождения студентами службы в НОАК оно занимает 40%

общего объема аудиторных занятий. В процессе идейно-политической учебы надлежит добиться не только «правильной идеологии», но и «правильной веры», или, как сказал один студент: «Мы должны доказать, что истинно уверовали в марксизм» [14].

После событий 1989 г. набор в вузы был сокращен более чем на 70 тысяч человек. При этом четко обозначилась тенденция к сохранению, с одной стороны, направленности на развитие экономического образования и, с другой — решимость политического руководства наложить определенные ограничения на культурные и социальные аспекты процесса. В наибольшей степени урезание плана набора студентов коснулось 36 наиболее престижных вузов Китая, находящихся под непосредственным руководством Государственного комитета по образованию и, по мнению властей, служивших «рассадником демократической инфекции». В этих университетах факультеты филологии, истории и философии были традиционно сильными.

Согласно официальным заявлениям, политика отправки китайских студентов за границу не претерпела изменений. Тем не менее теперь их посылают на меньший срок: в 1990 г. из трех тысяч половина была послана только на один семестр. Как сообщалось в печати в январе 1990 г., всего Китай с 1978 г. направил на учебу за границу около восьмидесяти тысяч студентов, из них шестьдесят тысяч — за государственные средства, однако вернулись на родину из этого числа всего тридцать тысяч человек.

В июне 1990 г. в сянганской печати были опубликованы результаты социологического опроса, проведенного в восьми крупных вузах Пекина и ставившего задачу выяснить сегодняшние умонастроения студентов и их оценку событий июня 1989 г. Ответы, полученные на заданные вопросы, оказались достаточно противоречивыми. До некоторой степени это можно объяснить страхом перед необходимостью выразить свои мысли и чувства на бумаге; главным образом, противоречивость ответов свидетельствует о том, что студенты сбиты с толку и приведены в замешательство. Один студент из народного университета Китая назвал свои ответы «путанными и беспорядочными», отражающими его нынешнее состояние, написал, что он, «с одной стороны, не верит, что свободная рыночная экономика решит китайские проблемы, с другой — ему не нравится, что власть сосредоточена в руках немногих» [14].

Многие из поступивших в вузы в 1987 и 1988 гг. предпочли уход в изучение древнекитайской культуры, даосской философии, «И цзина» и т. п., при этом трудно сказать, чем руководствовались эти студенты: увлечением прошлым; надеждой получить шанс, чтобы поехать за границу, или просто стремлением обезопасить себя. Тем не менее подобный «уход» явно выглядит как устранение от общественной деятельности.

В 1999 г. обычные вузы страны приняли 1,06 миллиона абитуриентов, на пятьсот десять тысяч больше, чем в 1998 г., контингент учащихся высшей школы составил четыре миллиона тринадцать тысяч человек. Было принято в аспирантуру девяносто тысяч человек, что на двадцать тысяч больше, чем в 1998 г. — всего в ней сейчас обучается двести тридцать тысяч человек¹.

¹ Китай: факты и цифры. 2000. Пекин: Синьсин, 2000. С. 155–156.

Ежегодно увеличивается количество выпускников, продолжающих учебу за рубежом, на тринадцать процентов. Китай имеет более ста двадцати межправительственных соглашений об обмене и сотрудничестве. В январе 1999 г. Министерство образования КНР приняло документ «План мероприятий по подъему образования навстречу XXI в.».

Самое решительное увеличение приема в государственные, регулярные вузы, начавшееся с 1998 г. (на 7% в целом на основные и краткосрочные отделения по сравнению с предыдущим годом), было осуществлено за счет стремительного развития краткосрочных высших профессионально-технических училищ. Количество специальностей сокращено с 504 до 249 [15].

Разные социальные классы и слои китайского общества охватываются разными учебными заведениями. Существует два типа высших учебных заведений для рабочих и служащих: очные и заочные университеты, входящие в ведение промышленных предприятий. Поступать в них имеют право рабочие и служащие, имеющие аттестат об окончании полной средней школы. Они предлагают более 260 специальностей в области технических, естественных, гуманитарных наук, медицины, изящных искусств и физической культуры. Срок обучения — три года с отрывом и четыре-пять лет без отрыва от производства. В 1985 г. в университетах и заочных вузах для рабочих и служащих обучалось 260 200 человек.

За годы существования КНР образованием были охвачены широкие крестьянские массы. Процент неграмотных среди молодежи и лиц среднего возраста в сельской местности сократился с восьмидесяти процентов в первые годы после освобождения до двадцати пяти в 1980-е гг. и шестнадцать процентов в 1990-е гг. В программу обучения техникумов и профессиональных университетов входят политические, естественные и технические науки, включающие сведения по сельскому хозяйству, лесоводству, животноводству, различным промыслам, рыболовству, промышленному производству, торговле, по управлению народным хозяйством и сферой обслуживания. В 1985 г. действовало четыре института, где обучалось 895 000 крестьян.

В 1985 г. число университетов, имеющих заочные курсы, увеличилось до ста восьмидесяти одного, количество действующих вечерних университетов составило двести шестьдесят, из которых сто пятьдесят имели также и заочные курсы. На заочных курсах обучалось 493 100 студентов, или 29% общего количества учащихся вузов¹. В 2000 г. в вузах для взрослых обучалось три миллиона учащихся, а это уже 71% учащихся регулярных вузов [16].

В целом источники воспроизводства интеллигенции претерпели изменения с началом модернизации китайского общества. Рыночные экономические условия стали основой формирования новых социальных групп, которые явились новыми источниками воспроизводства интеллигенции. Появились новые возможности увеличения численности интеллигенции через учебные заведения для взрослых, телеуниверситеты, заочное обучение. Особенностью китайской системы образования являются различные высшие и среднеспециальные учебные заведения для рабочих, служащих и крестьян. Представительство женщин в

¹ Энциклопедия Нового Китая. М.: Прогресс, 1989. С. 376.

воспроизводственной системе не увеличилось по сравнению с периодом до «культурной революции».

Китайское правительство понимает: чтобы добиться высоких результатов, необходимо опираться на интеллигенцию и на развитие образования. Об этом говорила заместитель премьера Госсовета КНР Лю Яньдун, выступая в Чикаго 19 ноября 2013 г.: «Китай рассматривает возрождение страны за счет науки и образования как государственную стратегию и уже создал в стране крупнейшую в мире систему высшего образования. Китай будет использовать свой шанс для ускорения реформ в образовательной сфере, чтобы достичь качественного развития. Для этого, во-первых, необходимо преобразовывать модель выбора и подготовки специалистов во имя повышения качества. Во-вторых, следует провести преобразование способов распределения ресурсов во имя обеспечения справедливости. В этой сфере нужно содействовать развитию высшего образования в центральных и западных районах Китая, совершенствовать государственную систему выплат стипендий и удовлетворять потребность широких масс в получении высшего образования, в особенности населения в бедных районах и представителей особо нуждающихся групп. В-третьих, следует уделить повышенное внимание реструктуризации в целях содействия развитию заведений высшего образования со своей спецификой. В-четвертых, создать современную систему университетов с опорой на сокращение аппарата и представление низам больших прав»¹.

По данным Министерства образования КНР, общая численность граждан страны, получивших дипломы о высшем образовании, прошедших стажировку или защитивших диссертации за рубежом между 1978 и 2012 гг., составила 2,644 млн человек, достигнув 400 тысяч выехавших в 2012 г. (более чем в 20 раз выше, чем в 1998 г., при ежегодном росте в 2007–2011 гг. на 20%). По прогнозам, в 2014 г. эта цифра возрастет до 550 тыс. человек, а к 2020 г. — до 650 тыс. человек [17].

Высшее образование в Китае прошло долгий путь от образования доиндустриальной эпохи к советской модели образования и к современному этапу. В итоге мы видим результат — диалектический закон двойного отрицания. Конфуцианская система обучения → советская (коллективистская) → европейская система образования (индивидуалистская) = современная китайская система высшего образования. Отсюда мы определяем круг социально-философских проблем образования.

Традиционная китайская и советская системы образования являются «коллективистскими» и направлены на формирование личности, подчиняющейся обществу. Плюсом данной системы является стабильность социума, развитая идеология, закрепление системы ценностей; минусом — ограничение сознания человека, утрата индивидуализма, застой в развитии гражданского общества.

Европейская система высшего образования формирует индивидуалиста и основана на классическом рационализме. Плюсом такой системы является развитие научного знания, независимого мышления индивида. Минусом — расшатывание устоев общества, эгоизм, неустойчивое развитие, ведущее к глобальным проблемам человечества.

¹ Каждый ребенок должен иметь шанс и право на получение справедливого образования (заместитель премьера Госсовета КНР) / Агентство «Синьхуа» от 19.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 25.12.2013).

Литература

1. Классы и классовая структура в КНР / В. И. Акимов [и др.] / под ред. М. И. Сладковского. М. : Наука, 1982. С.158–159.
2. Гельбрас В. Г. Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы. М. : Наука, 1980. С.145.
3. Жэньминь жибао. 1978. 18 нояб. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/> (дата обращения: 20.02.2019).
4. КНР в 1978 г. : политика, экономика, идеология / под ред. М. И. Сладковского и др. М. : Наука, 1980. 367 с.
5. Делюсин Л. П. Судьбы интеллигенции в Китае // Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. М., 1978. С.1–23.
6. Котова Р. И. Китайское студенчество в первое десятилетие реформ // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. М., 1994. С. 88.
7. Broaded S. T. The Lost and Found Generation: Cohort succession in Chinese higher education // Austral. J. Of Chinese Affairs. Canberra. 1990. Vol. 23. № 1. P. 77–95.
8. Hayhoe R. China's Universities and the Open Door. Armonk. N. Y.; L.: Sharpe, 1989. P. 40.
9. Котова Р. И. Особенности развития общественных наук в ходе реформ в Китае и положение в китайских вузах // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. М., 1996. С. 95.
10. Ван Фучунь, У Сяоцзянь. Доклад о национальном составе студентов Пекинского университета // Чжэнчжисюэ яньцзю. 1989. № 1. С. 25.
11. Sun Jun, Zhang Rui. An Investigation of the Condition of Young Teachies // Chin. Education. Armonk, 1989. Vol. 22, № 3. P. 27–28.
12. Rai Sh. M. Student Lives, Student Voices: University Politics in Post-Mao China // J. Of Communist Studies. L., 1990. Vol. 6, № 3. P. 64–81.
13. Maddox P. D. The Goal and Role of US-China Educational Exchanges Programmes // Asian Profile. Hong Kong, 1990. Vol. 17, № 4. P. 27.
14. From University Campus to Factory Floor: Student Life since June “89” // China News Analysis. Hong Kong. 1991. № 1429. P. 1.
15. Боровская Н. Не было хлопот — вступили в ВТО // Поиск. 2002. 31 мая. С. 11–12.
16. Китайская Народная Республика в 2000 г.: политика, экономика, культура / под ред. М. Л. Титаренко. М., 2001. С. 318.
17. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / Н. Е. Боровская [и др.]; гл. ред И. С. Иванов. М. : Спецкнига, 2013. С. 9.

DYNAMICS OF THE REPRODUCTION OF INTELLECTUALS IN THE PRC

Oksana D. Barlukova

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof.,
Philippov Buryat State Academy of Agriculture
8, Pushkina St., Ulan-Ude 670034, Russia
E-mail: oxana106@mail.ru

The article deals with the problem of the reproduction of the Chinese intelligentsia since the formation of the People's Republic of China. The institute of higher education and studentship are the main sources of reproduction. We have analyzed the changes in the social structure, functions and sources of the reproduction of intellectuals. The article

considers role of the intelligentsia in the transformation of Chinese society over the past thirty years. Unlike the Russian transformation, Chinese modernization is more consistent and less radical in the political sphere. The place and role of the intelligentsia in the modern world are becoming more significant compared to previous periods.

At the beginning of the 21st century with the economic, political and social changes in society the role of the Chinese intelligentsia began to rise, nowadays it is related to the future development of China. The intelligentsia has become a more active social group that influences the course, content and pace of reforms. It is established that the sources of reproduction underwent significant changes compared with the period before the "cultural revolution".

Keywords: intellectuals; China; dynamics; reproduction; students; education; stratum; group.